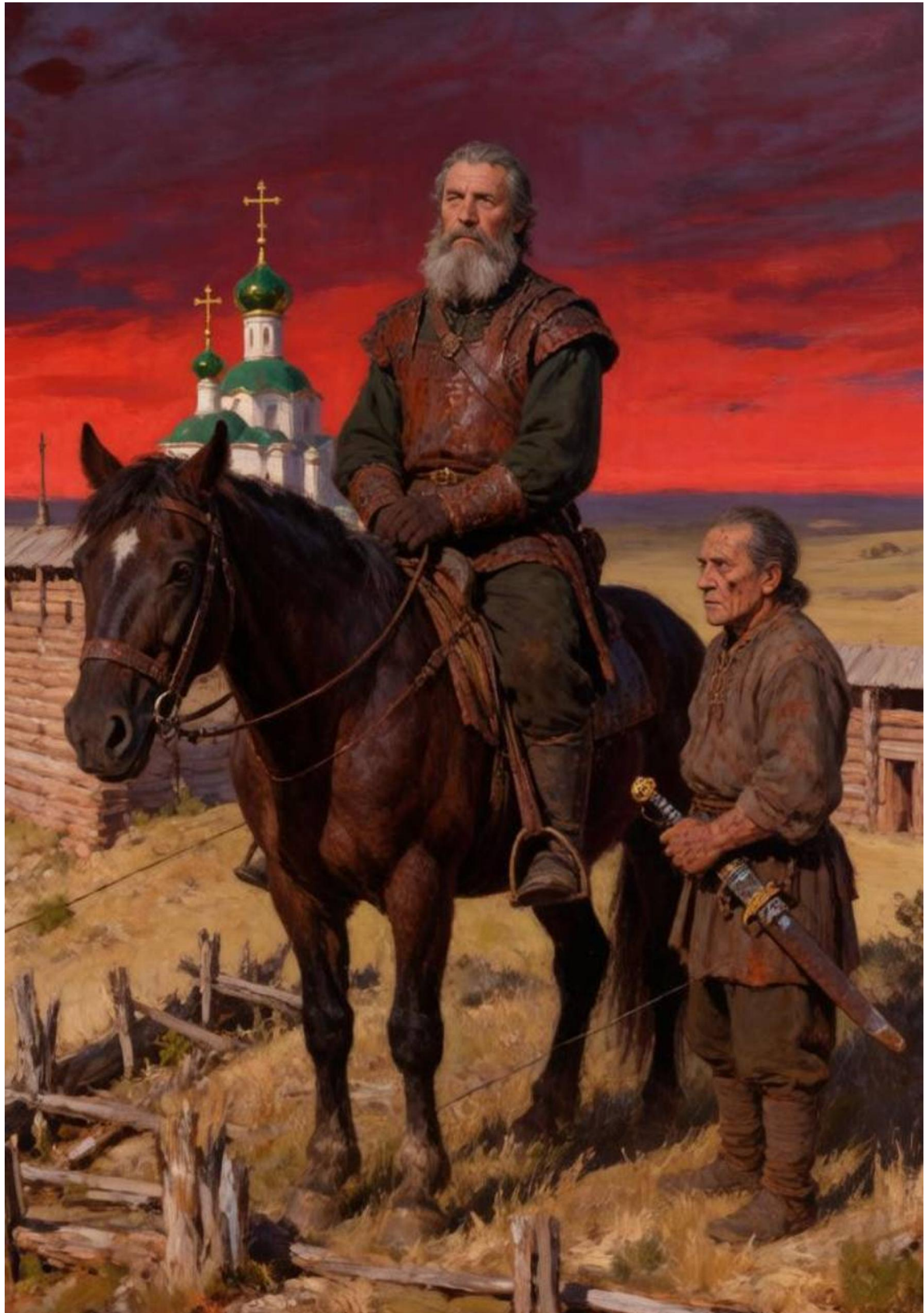

Ольга Вячеславовна Хилько

**Родоман. Книга вторая
«Белгородский Воевода»**

«Автор»

2026

Хилько О.

Родоман. Книга вторая «Белгородский Воевода» / О. Хилько —
«Автор», 2026

1656 год. Григорий Ромодановский, молодой окольныйничий, прибывает в Белгород принимать воеводство. Перед ним — засечная черта, семь полков, гниющие засеки и степь, из которой всегда приходят татары. Григорий строит систему: чинит засеки, учит полки, высылает разведку, пишет царю. А по вечерам чистит саблю старый стремянный Олфер, ставит тесто жена Анастасия, а маленький сын Михаил сидит у окна и запоминает всё. Шестнадцать лет службы. Измена гетмана Выговского, бой под Нежином, Чудновская катастрофа, зимний марш на Глухов, татарские набеги, Разинский бунт, два Чигиринских похода против двухсот тысяч турок. Григорий стоит. Теряет людей, теряет силы, теряет сына в татарском плену. Но стоит. Камень стоит, вода проходит. «Белгородский воевода» — второй роман эпопеи «Родоман». О людях, которые защищали южную границу Руси, когда Москва ещё не стала империей. О системе, которая держится не числом, а волей. О камне, который стоит.

© Хилько О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белгород	5
Глава 2. Система	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Родоман. Книга вторая «Белгородский Воевода»

Глава 1. Белгород

«Камень не выбирает, куда его положили. Камень выбирает — стоять или не стоять. Если стоит — значит, камень. Если нет — значит, щебень. А щебнем мостили дороги. Камнем строили стены».

Из записей князя Григория Ромодановского, Воеводы Белгородского

Сцена 1. «Прибытие»

Дорога на Белгород шла через Курск, через Обоянь, через степь — ровную, как стол, выжженную солнцем, заросшую полынью и ковылём. Июнь стоял жаркий, беспощадный. Пыль под копытами — мелкая, белая, как мука — висела в воздухе долго, не оседала. Кони шли шагом, опустив головы. Люди — молчали.

Григорий Григорьевич Ромодановский ехал впереди обоза, на гнедом мерине — не породистом, но крепком, выносливом, из тех, что не хромают на третий день пути. Седло — старое, походное, не московское. Шпоры — не звенели. Кафтан — тёмный, дорожный, без нашивок. Шапка — простая, поярковая. Он не любил лишнего. Этому научился ещё в Москве, у Лихачёва: лишнее — мешает. Лишний кафтан — тяжёлый. Лишнее слово — лишний враг. Лишний конь — лишний овёс. В походе — только своё, только нужное, только — что несёшь на себе.

Ему было тридцать шесть. Средний рост, крепкие плечи, чуть тяжёлые от долгой езды. Лицо — загорелое, обветренное, с ранними морщинами у глаз — от солнца, от степного ветра, от прищура. Борода — русая, коротко стриженная, без бородатого боярского размаха. Глаза — серые, спокойные, внимательные. Взгляд — не тяжёлый, как у отца, но — цепкий. Подмечающий. Из тех, что скользят по лицам, по стенам, по карте — и всё берут, всё запоминают, ничего не упускают.

За ним — телеги. Восемь. На первой — Анастасия с детьми, под холстинным пологом от солнца. На второй и третьей — припасы, одежда, образа, посуда, книги. На четвёртой — сундук с воеводскими документами, печать, чернильница, перья. Остальные — люди: дворня, повар, писарь, конюх.

Анастасия Ивановна — его жена — сидела в телеге прямо, не откидываясь на мешки, как другие бабы. Невысокая, в тёмном сарафане, в белом платке, повязанном крепко, по-походному. Лицо — круглое, мягкое, с тёмной косой, уложенной по старинному обычаю. Руки — крепкие, загорелые, от стряпни и стирки, от теста и воды. Не нежные — рабочие. Но — чистые, ухоженные. Она следила за собой, даже в дороге. Даже в пыли. Это — от отца, из старого рода. Какой именно род — не знал никто. Анастасия Ивановна о своём происхождении не говорила, а Григорий не спрашивал. Достаточно было, что она — рядом. Что — верна. Что — молча, без жалоб, собирает дом на новом месте, в какой бы ни привезли глуши. Так — и было. Каждый раз.

Дети — в телеге, рядом. Марфа — восьми лет, старшая, серьёзная, как мать. Помогает — поправляет полог, подносит воду, следит за младшими. Волосы — русые, заплетены в тугую косу. Глаза — отца, серые, внимательные. Не по годам собранная. Андрей — пяти лет, шумный, непоседливый, вечно лезет через борт телеги, пока мать не одёрнет. Кудрявый, кареглазый, весь — в кого-то из родни, не в отца и не в мать. Может, в деда Петра — голосистого, удалого. Михаил — трёх лет, младший. Тихий. Сидит у матери на коленях, смотрит. Не капризничает, не плачет. Просто — смотрит. На дорогу, на степь, на небо. На мать. На — всё.

Позади обоза, отдельно, верхом — Олфер.

Олфер Тимофеевич Суковатый. С отцом — десять, с Григорием — двадцать. Тридцать лет. Столько — не считал. Просто — ехал. Как ехал тридцать лет. Как — будет ехать, пока ноги держат в стременах.

Ему было под семьдесят. Высокий, сухой, с лицом — как старый дуб: морщины — трещины, кожа — кора, глаза — тёмные, глубокие, как дупла. Руки — узловатые, с мозолями, с двумя пальцами на левой: трёх не хватало, отрублено саблей под Ельцом, в 1606-м, ещё при Гришином отце. На правой — все пять, но мизинец не гнулся — старая рана, от татарской стрелы, под Крапивной. Он — не рассказывал про раны. Не хвастался. Не жаловался. Просто — ездил, чистил саблю, седлал коня, проверял подпругу. И — молчал. Молчание Олфера не было пустым. Оно было как часовой механизм: снаружи — тихо, внутри — всё работает, всё — точно, всё — на своём месте.

Одет — в старый кафтан, латанный, перелатанный, в поршни из сыромятной кожи. На поясе — нож. Не сабля — нож. Сабля — в сумке, в телеге, завёрнутая в холстину. Боя — пока — нет. Но — нож — всегда. Нож — это не оружие. Нож — это инструмент. Ремень подрезать, верёвку обрезать, хлеб нарезать, занозу вытащить. Олфер без ножа — как кузнец без молота. Не — воин. Просто — неуместный.

Кони ступали по пыли. Солнце жгло. Степь — шла и шла, без конца, без края, без дерева, без тени. Только — полынь, ковыль, суслики, коршун в небе. Изредка — курган, древний, скифский, поросший бурьяном. Изредка — полуразрушенная изба, брошенная, с провалившейся крышей. Изредка — столб, вбитый в землю, с зарубками: верстовой. Люди — проходили. Народы — проходили. Степь — оставалась.

Григорий смотрел на юг. Туда — за горизонт, за курганы, за ковыль — лежала степь. Дикое поле. Место, откуда приходили татары. Откуда — столетиями — шла смерть: быстрая, конная, с арканом и саблей. Здесь — проходили Мамай и Тохтамыш, Девлет-Гирей и Казы-Гирей. Здесь — горели города, гибли люди, уводили полон. Здесь — была граница. Не черта на карте — живая, дышащая, кровоточащая линия, на которой стояли люди и держали. Пока — стояли. Пока — хватало людей. Пока — хватало воли.

Григорий думал: «Двенадцать лет назад я стоял на засеке, у Крапивной. Смотритель. Один человек, тридцать верст леса, пара десятков сторожей. Тогда — казалось: много. Ответ — за тридцать верст. А теперь...»

Теперь — тридцать восемь городов. Белгородский разряд — от Курска до Валук, от Сум до Царёва-Борисова. Огромный округ, вытянутый по степной кромке, как вытянута рука для удара. Семь полков. Около девятнадцати тысяч ратных людей. Рейтарский полк, драгунские полки, солдатские полки. Иностранные офицеры — немцы, голландцы, шотландцы. Пушки, порох, свинец, лошади, хлеб, сено, дрова. Засеки, надолбы, волчьи ямы. Заставы, караулы, разъезды. И — татары. Всегда — татары. Где-то — там, за горизонтом, за ковылём, за степью — татары. Ждали. Следили. Когда ослабнет заслон — придут. Всегда — приходили.

Григорий — это знал. Не из книг. Из — детства. Из — отца. Из — молчания братьев. Из — Олфера, который чистил саблю и — молчал. Это молчание — было первым уроком. Не последний, но — первый. Степь — молчит. Враг — молчит. Смерть — молчит. Значит — и ты — молчи. Слушай. Смотри. Жди. Ударит — держи. Не ударит — всё равно — держи. Потому что — ударит. Обязательно — ударит. Рано или поздно.

Белгород показался из-за пригорка — неожиданно, как всё в степи. Один момент — пустота, небо, трава. Следующий — крепость.

Крепость стояла на правом берегу Северского Донца, на высоком мысу, между рекой и глубоким оврагом. Деревянные стены — рубленые, из дубовых брёвен, с обламами и караульными башенками — тянулись на шестьсот пятьдесят саженей. За стеной — острог, ещё на тысячу триста саженей, с надолбами и рвом. Подземный ход к реке — на случай осады. Около ста тридцати пушечных бойниц, две тысячи двести ружейных. Крепость — не малень-

кая. Крепость — серьёзная. Перестроена шесть лет назад, в 1650-м, на новом месте, по государеву указу. Брёвна — ещё свежие, не успели почернеть. Земляной вал — насыпной, утрамбованный, с дерновым покрытием. Башни — восемь, по углам и над воротами, с шатровыми крышами, дозорными вышками.

Но — за стенами — посад. Посады — торговые, ремесленные, жилые — жались к крепости, как цыплята к наседке. Избы — деревянные, кривые, тесные. Улицы — узкие, грязные. Огороды — кое-где. Бани — на отшибе, у реки. Кузница — одна, на торгу. Церковь — Преображения, рубленая, с зелёной главкой. Люди — были. Торговали, работали, жили. Но — чувствовалось: город — военный. Не торговый, не ремесленный — военный. Стены — главное. Стены — первыми встречали гостя. Стены — провожали.

Григорий остановил коня на пригорке, не доезжая до ворот. Смотрел.

Ветер — степной, сухой, горячий — нёс полынь, пыль, запах конского навоза и кислого теста из пекарен. Солнце — било в спину. Тень — ложилась длинная, к стенам. Крепость — внизу, перед ним. Река — за ней, серебряная, мелкая, с песчаными отмелями. За рекой — степь. Та самая. Бесконечная.

Олфер — подъехал. Стал рядом. Молча. Как — всегда. Два всадника на пригорке — смотрели на город.

Григорий — заговорил первым. Не повернувшись:

— Ну. Вот и — пришли.

Олфер — не ответил. Потом — сказал, тихо, не глядя:

— Стены — новые. Бревно — дуб. Шесть лет — стоит. Если не гниль в земле — простоит ещё двадцать. А засеки — посмотреть надо. И — заставы. Стены без засек — как дверь без запора. Дверь — крепкая, а окна — открыты.

Григорий — кивнул. Олфер — уже думал. Не о городе — о линии. О черте. О — том, что за городом. Там, в степи, где коварный ковыль скрывает следы, где татарский разъезд может пройти незамеченным, если застава пуста, если караул спит, если сторож — пьян или — ленив.

— Заставы — завтра, — сказал Григорий. — Сегодня — приму дела. Сегодня — дом. Жена. Дети.

Олфер — кивнул. Сказал — коротко, как ставил точку:

— Тут — жить. Тут — воевать. Тут — стоять.

Григорий — повернулся. Посмотрел на него. Олфер — старый, высохший, как мумия, но — в седле. Прямой. Не сгорбился. Руки — на поводьях, крепкие, несмотря на два пальца. Глаза — тёмные, узкие, видят — далеко. Не зрением — опытом.

Григорий подумал: тридцать лет. Тридцать лет — этот человек рядом. С отцом — десять. С ним — двадцать. Ни разу — не предал. Ни разу — не пожаловался. Ни разу — не сказал «не могу». Просто — ехал. Чистил саблю. Проверял коней. Молчал. Когда нужно было — рубил. Когда нужно было — учил. Когда нужно было — молчал. Всегда — когда нужно. Тридцать лет. От Крапивной до Белгорода. От засеки до крепости. От — смотрителя до — воеводы. А Олфер — всё тот же. Всё — на своём месте.

— Поехали, — сказал Григорий. Тронул коня. Обоз — двинулся.

Сцена 2. «Дом»

Воеводский двор стоял в верхней части крепости, неподалёку от Спасских ворот — рубленный, из дубовых брёвен, с тесовой крышей и резным крыльцом на четырёх столбах. Дом — не барский — просто дом. Просторный, крепкий, но — простой. Одна горница, одна поварня, подклеть для припасов, сени, крытое крыльцо. Рядом — конюшня, баня, сарай, колодец с журавлём. Забор — из жердей, невысокий, не от врага — от соседей. Соседей — немного: через два двора — дьяк разрядной избы, с женой и тётцей; подальше — соборный протопоп, отец Иларион, с попадью и четырьмя дочерьми, все рыжие, все громкие, все — как осенние листья на одном дереве.

Анастасия Ивановна ступила на крыльцо первая. Остановилась. Осмотрелась — не как гостя, а как хозяйка: где дверь, где печь, где окна, куда выходит свет. Окон — два, оба на юг, на степь. Свет — хороший, целый день. Печь — русская, большая, с лежанкой. Пол — дубовый, некрашенный, выскобленный. Пахло свежим деревом, смолой, и ещё чем-то кислым, затхлым: прежний воевода жил тут три года, и дом пропах его запахом — постным маслом, старым хлебом, кошками. Кошки — две — сидели под лавкой и смотрели на новую хозяйку с тем недовольным достоинством, с каким кошки встречают любую перемену власти.

Анастасия кошек не прогнала. Только сказала:

— Пусть живут. Кошки нужны — мыши от кошек бегают.

Потап Гаврилыч — ключник, ехавший с обозом из Москвы, старый, с ключами на поясе, звенящими при каждом шаге — уже распорядился. Слуги таскали сундуки, бочки, мешки. Во поварне уже гремела чем-то стряпуха — Маша, местная, белгородская, которую наняли ещё вчера, по приказу прежнего воеводы, до отъезда. Толстая, рыжая, с веснушками по всему лицу — будто кто муки на неё рассыпал — и с руками красными, крепкими, от горячего и холодного. Она не была Домна. Домна осталась в Ивановском, при свекрови, при старом доме, при печи, которую знала сорок лет. Маша — не знала этой печи. Но — печь есть печь, и тесто есть тесто, и огонь есть огонь. Щи — она варила крепкие, из говядины, с капустой и лавровым листом. Не московские — степные, с другим запахом, с ветром, с полынью. Но — горячие. Анастасия попробовала — кивнула. Сойдёт.

Дым повалил из трубы, и двор сразу стал двором, а не казармой. Где дым — там дом. Это Анастасия знала с детства, от отца, а тот — от своей матери, а та — от своей: дом начинается с дыма. С печи. С хлеба.

Она прошла в горницу. Развязала первый сундук — свой, личный, не общий. Достала образ Богородицы — небольшой, в окладе медном, потемневшем от времени, с ризой чеканной и тёмным ликом. Этот образ был с ней всегда — с того дня, как вышла замуж, как привезли её в дом Ромодановских, в Москву, из деревни, название которой она не называла никому. Мать умерла. Отец поднял один. Вырастил, выучил, выходил. Отец был тихий, крепкий, как корень, который держит дерево после бури. Не женился снова. Не хотел. Хватало одной дочери, одного дома, одной печи. Когда пришли сватать — отдал. Отец стоял у ворот, когда телега с дочерью уезжала, стоял и смотрел, пока телега не скрылась за поворотом, за лесом, за холмом. Потом — повернулся, вошёл в дом, затопил печь. Один. Печь — для одного. Тесто — для одного. Дом — для одного. Но — живой. Отец — живой. Пишет редко, коротко: «Жив. Здрав. Печь топлю. Приезжай, когда можешь». Анастасия читает и не плачет. Стоит. Как отец.

Григорий не спрашивал. Достаточно было, что рядом, что верна, что молча, без жалоб, собирает дом на новом месте, в какой бы ни привезли глуши. Белгород — был уже четвёртым.

Она повесила образ в переднем углу, подальше от окна — чтобы солнце не било в лик. Прибила гвоздём сама — двумя ударами, точно, без промаха. Потап Гаврилыч хотел помочь, но она рукой махнула: «Сама. Это — моё». Потап отступил. Понял. Угол — это сердце дома. Сердце не доверяют чужим рукам, даже верным.

Потом — занавески. Лённые, белые, с вышивкой по краю — не петухи и виноград, как на скатерти в Ивановском, у свекрови, а простой узор: листики, крест-накрест, мелкий. Анастасия вышила сама, зимними вечерами, в Москве, при свече, когда дети спали и Григорий был в Разрядном приказе. Каждая стежка — ровная, мелкая, как бисер. Занавески на окна — и дом стал домом. Не казармой, не приказной избой — домом.

Дети вбежали гурьбой, потому что из телеги нельзя вечно сидеть, особенно если тебе пять и тебя зовут Андрей.

Андрей влетел в горницу с разбегу — и сразу под лавку, и оттуда выкатился, и на печь полез, и с печи чуть не свалился, потому что лежанка была высокая, выше московской, и он не рассчитал. Анастасия не крикнула, не побежала, не схватила — просто сказала:

— Андрей. Слезь. Ноги вытри. Потом — лезь.

Голос — тихий, ровный. Не угроза — констатация, как приговор судьи, который не повторяет. Андрей слез, вытер ноги о тряпку у порога, посмотрел на мать. Глаза — живые, озорные, карие, в кого-то из родни, не в отца и не в мать. Может, в деда Петра — голосистого, удалого, того, что погиб под Рахманцевым, когда Андрей ещё не родился. Анастасия подумала: в него, в деда. Тот тоже лез первым, думал потом. Но не сказала. Думать можно. Говорить — незачем.

Марфа вошла тихо. Ей восемь, и она уже знает: новый дом — это не праздник. Новый дом — это работа. Она — старшая. Старшая — это не привилегия, это ответственность. Марфа

поняла это рано, может быть раньше, чем следовало бы ребёнку. Похожа на мать: серьёзная, собранная, с русой косой, тугой, как верёвка, и серыми глазами — отцовскими, внимательными, подмечающими. Она уже помогала: подавала матери образ, держала занавески, пока мать прибывала. Теперь встала у порога, оглядела горницу, как маленькая хозяйка, и пошла за сундуком с посудой.

Михаил вошёл последним. Ему три. Он не бегал, не кричал, не лез под лавки. Шёл, держась за подол матери, и смотрел. Маленький, тонкий, с большими серыми глазами — отцовскими, но мягче, теплее, без той цепкости, что у Григория, без того прищура. Михаил смотрел на мир не как воин — как учёный. Как человек, который будет запоминать. Всё запоминать: каждую трещину в бревне, каждый узор на занавеске, каждый звук — стук топора во дворе, скрип колодезного журавля, лай соседских собак.

Он сел на лавку у окна. Молча. Сложил руки на коленях. Смотрел.

Анастасия оглянулась на него. Лицо смягчилось — на мгновение, только на мгновение. Потом снова собралась. Нельзя размениваться. Нельзя таять. Надо делать. Дом не построят от нежности. Дом строится от рук, от теста, от горячей воды и чистого пола.

— Марфа, — сказала она, — щи в котле, в телеге. Неси. Осторожно. Не пролей. Андрей — дрова. Во дворе поленница. Принеси шесть поленьев. Не два. Не десять. Шесть. Михаил — сиди. Не трогай. Не лезь.

Раздала каждому, коротко, точно, без повторов. Как приказ — не материнский, воеводский. Этому научилась у Григория, не у него самого, а у его молчания. Григорий молчал, и вокруг него люди делали. Она говорила мало, и дети делали. Результат — один. Метод — другой. Он молчал, она констатировала. Но за каждым её словом стояла такая уверенность, такая спокойная непреклонность, что спорить не приходило в голову никому — ни детям, ни слугам, ни Потапу Гаврилычу, который прожил при Ромодановских пятьдесят лет и повидал всякое.

Григорий стоял в дверях. Давно. Смотрел.

Он приехал, принял дела у прежнего воеводы, выслушал дьяков, расписался в книгах, приложил печать. Устал. Хотел сесть, поесть, снять сапоги. Но не вошёл. Стоял в дверях, плечом в косяк, и смотрел, как Анастасия устраивает дом.

Она не звала. Не просила. Не жаловалась. Просто делала. И дом оживал. Не от слов — от рук. От её рук, от движений быстрых, привычных, точных. Занавеска на окно. Образ в угол. Посуда на полку. Квас в погреб. Щи на огонь. Тесто в печь. И дом дышит. Дом живой.

Он думал: «Москва — это двор. Двор — это люди, интриги, приказы, чины. Белгород — это крепость. Крепость — это стены, пушки, полки. А дом — это...» И не нашёл слова. Не потому что не было — потому что слово было простое, детское, и боярин, окольничий, воевода Белгородского разряда не мог его произнести вслух, даже про себя. Слово было «тепло». Дом — это тепло. Не от печи — от рук. От её рук.

Анастасия обернулась. Увидела его в дверях. Не улыбнулась — она редко улыбалась, не от сухости, от характера, от привычки беречь лицо. Но кивнула. Коротко. Как Иван Молчанка, старший брат, тот, что говорил одним словом и одним кивком. Григорий кивнул в ответ. Всё. Больше ничего. Но — всё.

— Щи через час, — сказала она. — Вымой руки. Во дворе бочка с водой. Горячей нет. Пока нет.

Григорий пошёл мыть руки. Во дворе Олфер уже колол дрова. Топ. Топ. Ритм привычный, ровный, как метроном. Поленья летели одинаковые, ровные — Олфер не махал криво, каждое полено пополам, с одного удара. Не от силы — от точности. Топор на месте, полено на месте, удар на месте. Всё на месте. Как всегда.

Григорий мыл руки. Вода холодная, из колодца. Жарко. Квас в бочке, у крыльца. Глотнул — кислый, холодный, отрезвляющий. Хорошо. Дом. Жена. Дети. Олфер колет. Маша стряпает. Потап звенит ключами. Марфа таскает посуду. Андрей таскает дрова — и два лишних, не

шесть, а восемь, потому что Андрей всегда приносит больше, чем просили. Михаил сидит у окна и смотрит.

Дом. Здесь — дом. Не Москва. Белгород. Степь за стеной, татары за степью, война за татарами. Но здесь — дом. Пока — дом.

Олфер перестал колоть. Положил топор. Посмотрел на Григория. Не сказал ничего — только кивнул. В сторону дома. В сторону дыма из трубы. В сторону занавесок в окне. И Григорий понял. Олфер не говорил про дом. Олфер говорил про линию. Про черту. Про то, что дом стоит, пока черта стоит. А черта стоит, пока кто-то стоит. И этот кто-то — он, Григорий Григорьевич Ромодановский, воевода Белгородского разряда, окольничий, тридцати шести лет от роду, с женой, тремя детьми, старым слугой и семьёю полками.

— Завтра, — сказал Григорий. — Заставы. Засеки. Караулы. Завтра.

Олфер кивнул. Поднял топор. Топ. Топ. Топ.

Сцена 3. «Разрядная изба»

Утро следующего дня выдалось прохладнее — степной ветер к ночи развернулся на север, принёс запах дождя, хотя ни одной тучи на небе не было. Просто — ветер. Степной, ровный, без порывов, как дыхание спящего великана. Григорий вышел из дома рано, ещё до того, как Анастасия затопила печь. Олфер уже седлал коней — обоих, своего и воеводского, без приказа, по привычке. Знал: воевода утром — в разрядную избу. Каждое утро. Так — было в Курске, так — будет в Белгороде.

Разрядная изба стояла в центре крепости, рядом с собором, через дорогу от воеводского двора. Рубленое здание, длинное, с тесовой крышей и двумя входами — с торцов, чтобы не пересекались потоки: с одного входа — воевода и дьяки, с другого — челобитчики и гонцы. Внутри — три комнаты. Первая — общая, где ждали, где толкались гонцы и рассыльщики, где пахло ногами, дёгтем и кислым квасом. Вторая — приказная, с длинным столом, картами на стенах и сундуками с документами. Третья — воеводская, отдельная, с печью, с маленьким столом у окна, где Григорий будет сидеть и писать царю. Писать — много. Писать — каждый день. Писать — коротко.

В приказной комнате — дьяки. Три. Все — из Москвы, присланы Разрядным приказом, все — с бумагами, с чернильницами, с той суетливой цепкостью, какая бывает у людей, которые знают: бумага важнее меча. Меч — рубит одного. Бумага — двигает тысячи.

Старший дьяк — Фёдор Зотикович Полунин — седой, сухонький, с тонкими пальцами и тонкими губами, в очках (редкость, из Москвы, из Немецкой слободы, привозные, в медной оправе), сидел за столом и читал список. Не поднял головы, когда воевода вошёл. Только сказал:

— Доброго утра, Григорий Григорьевич. Списки полковые — на столе. Карты — на стене. Чего нет — того нет. Чего надо — скажите.

Григорий — кивнул. Прошёл к столу. Сел. Не в воеводское кресло (кресла не было — лавка, накрытая сукном), а к краю стола, ближе к картам. Посмотрел.

Карта — на стене, на холсте, ручная работа, чернила и тушь. Белгородский разряд — вытянут с запада на восток, от Курска до Валук, почти четыреста верст. Города — отмечены кружками: Курск, Обоянь, Белгород, Короча, Новый Оскол, Валуйки, Царёв-Борисов, Сумы, Ахтырка, Острогожск. Между ними — степь, перечёркнутая засечными чертами, речками, дорогами. Татары — на юге, за чертой, в Диком поле. Поляки — на западе, за Днепром. Казаки — на юго-западе, за Днепром, в Малороссии. Всё — рядом. Всё — близко. Всё — может вспыхнуть.

Григорий взял список. Пробежал глазами.

Полки нового строя. Рейтарский полк — полковник Яган Фанрозенбах, немец, в русской службе с 1649 года. Драгунский полк — полковник Вилим Фангален, голландец. Солдатские полки — четыре: полковник Фёдор Вормзер, полковник Александр Краферт, полковник Яков

Бильс, и — полковник Томас Дальстон, шотландец. Ещё — стрелецкий приказ, белгородский, под началом головы Григория Савельева. И — четыре слободских черкасских полка: Остро-гожский, Сумской, Ахтырский, Харьковский — казацки, под своими полковниками, не в прямом подчинении воеводе, но — в разряде.

Григорий отложил список. Посмотрел на Полунина.

— Полковников — вызвать. Всех. Сегодня. К полудню.

Полунин — снял очки, протёр, надел. Кивнул.

— Будут. Все — кроме черкасских. Те — сами по себе. Свои — полковники, своя — присяга. Но — если прикажете — пошлю грамоты.

— Пошлите. Но — не сегодня. Сегодня — свои. Московские.

Полунин кивнул. Вышел. Слышно было, как в общей комнате он поднял голос — тонкий, но — звонкий, как звонок: «Рассыльных — ко мне! Трех! К полудню — полковников — в избу! Всех! Без отговорок!»

Григорий остался один. Встал. Подошёл к карте. Провёл пальцем по засечной черте — от Курска до Валук. Длинная. Четыреста верст. Тридцать восемь городов. Засеки, надолбы, волчьи ямы, заставы, караулы. И — семь полков. Девятнадцать тысяч людей. Лошади, порох, свинец, хлеб, сено. Всё — на нём. Всё — его.

Он думал: «Отец стоял под Рахманцевым с четырьмя тысячами. Против десяти. И — устоял. Потому что — стоял. Не потому что — умел. Потому что — стоял. А здесь — девятнадцать. Против — кого? Татар — десятки тысяч. Турок — сотни тысяч. Поляков — тысячи. А — сколько — стоит?»

Не число — воля. Не меч — система. Этому учил Лихачёв, давно, в Москве, когда Григорий был мальчишкой и сидел в Разрядном приказе, слушая, как старые дьяки считают полки по спискам. «Система, — говорил Лихачёв, — это не армия. Система — это когда каждый знает своё место, и — стоит на нём. Конь — конь. Пушка — пушка. Хлеб — хлеб. А воевода — воля. Без воли — всё — куча. С волей — строй».

К полудню — пришли.

Первым — Фанрозенбах. Яган Фанрозенбах, рейтарский полковник. Немец, из Саксонии, в русской службе шестой год. Высокий, рыжеволосый, с коротко стриженной бородой — не русской, не боярской, а — солдатской, как у наёмника, который не хочет лишнего цепляться за шлем. Лицо — длинное, с острым подбородком и тонким носом, загорелое, обветренное. Глаза — голубые, светлые, быстрые. Одет — в рейтарский кафтан, тёмно-синий, с медными пуговицами, в сапогах, со шпорами. Шпоры — звенели. Он — не скрывал, что немец, и — не пытался казаться русским. Просто — служил. За жалованье, за землю, за — долю в добыче. Так — было с немцами. Они — не предавали, но — и не горели. Служили — правильно. Не — горячо.

— Полковник Фанрозенбах, — сказал он, поклонившись коротко, по-военному, не по-боярски. Голос — низкий, с акцентом, но — русский язык знал хорошо, лучше многих иностранцев. — Ваше превосходительство. Слушаю.

Григорий — кивнул. Жестом — указал на лавку. Фанрозенбах — сел. Прямо, не разваливаясь.

Вторым — Вилим Фангален. Голландец. Драгунский полковник. Невысокий, плотный, с круглым лицом и рыжими усами — одни усы, без бороды, по европейской моде. Руки — крепкие, красные, от поводов и мушкета. Одет — опрятно, аккуратно, даже — щёгольски: кафтан с серебряной вышивкой, сапоги начищены. Он — был из тех офицеров, что любят порядок: в полку — чисто, в конюшне — сухо, в списках — точно. Учёный — читал Вегеция, знал фортификацию, чертил карты. Тихий. Говорил — мало, но — веско. Не — Лихачёв, но — похож: молчит, слушает, потом — одно слово, и — всё ясно.

— Полковник Фангален, — сказал он, поклонился — чуть глубже, чем Фанрозенбах, по-голландски вежливо. — Рад служить. Под вашим началом.

Григорий — кивнул. Фангален — сел рядом с Фанрозенбахом. Два иностранца — два разных человека. Один — открытый, прямой. Другой — тихий, аккуратный. Оба — опытные. Оба — стоят.

Третьим — Вормзер. Фёдор Вормзер, солдатский полковник. Тоже — немец, но — давно в России, давно — православный, жена — русская, дети — русские. Он — почти не акцентировал. Невысокий, кряжистый, с чёрной бородой и тёмными глазами, в простом кафтане, без нашивок. Из тех, что — слились. Не — наёмник — служивый. Русский немец. Его полк — крепкий, надёжный, без фокусов. Стоит — и стоит.

Четвёртый — Краферт. Александр Краферт. Тоже — немец, из Померании. Молодой, лет тридцати пяти, красивый, с волевым подбородком и русыми кудрями. Храбрый — может, слишком. Из тех, что лезут вперёд, когда надо — и когда не надо. Но — знает строй, знает мушкет, знает — дисциплину.

Пятый — Бильс. Яков Бильс. Голландец. Старый, сухой, молчаливый. Бороды — нет, усы — седые, лицо — как пергамент. Служил ещё при Михаиле Фёдоровиче. Двадцать лет — в России. Знает — всё. Говорит — мало. Сидел — неподвижно, как статуя.

И — последним — Дальстон.

Томас Дальстон. Шотландец.

Он вошёл — не сразу. Подождал, пока все сели. Потом — дверь отворилась, и он — ввалился. Не вошёл — ввалился, как хозяин, а не гость. Высокий, широченный в плечах, с рыжей бородой — не короткой, не стриженной, а — густой, как у викинга, неухоженной, торчащей во все стороны. Волосы — тоже рыжие, длинные, под шапкой. Лицо — красное, обветренное, сетка морщин и шрамом — белым, тонким, через бровь, от виска к переносице. Глаза — серо-зелёные, под тяжёлыми веками, с тем особым выражением, какое бывает у людей, которые прошли двадцать лет войны и — устали от неё, но — не знают другого ремесла.

Одет — не как другие офицеры. Кафтан — старый, потёртый, без нашивок, кожаный, в пятнах от пота и масла. Сапоги — тяжёлые, подкованные, стучали по полу, как молотки. Шпоры — длинные, не звенели — гремели. Сабля — на боку, широкая, не русская — шотландская, с тяжёлым эфесом и потемневшей рукоятью. Руки — большие, красные, в шрамах и мозолях, с двумя перстнями — медными, не золотыми. Он — не был щёголем. Он — был солдат. Старый, грубый, опытный, с тем особым достоинством, какое бывает у людей, которые знают себе цену и — не нуждаются в подтверждении.

Ему было под пятьдесят. Он воевал — где? В Тридцатилетней войне, под Брейтенфельдом, под Лютценом, под Нёрдлингеном. Потом — в Швеции, потом — в Польше, потом — в России, с 1651-го. Пять лет — в русской службе. Полк — солдатский, крепкий, боевой. Дальстон — знал войну, как Олфер — коня: не по книгам, по запаху, по звуку, по чутью.

Он сел — последним, на край лавки, у двери. Не потому что скромный — потому что — ближе к выходу. Привычка. Офицер, который садится ближе к двери, — либо не доверяет, либо — готов уйти в любой момент. Дальстон — не доверял. Это было — видно.

Григорий — смотрел. Всех — по очереди, каждого — несколько секунд. Не торопясь. Не допрашивая. Просто — смотрел. Как отец смотрел, когда сотники собирались у шатра: не на одного — на всех, и — каждый чувствовал, что его — видят. Лихачёв учил: «Не спрашивай — смотри. Смотри — как сидит, как держит руки, как смотрит. Кто — прямо, кто — боком, кто — в дверь. Кто — уверен, кто — боится, кто — ждёт. Это — скажет больше, чем — слова».

Фанрозенбах — сидит прямо, спокойно. Уверен. Не — дерзко. Просто — знает: он — хорош.

Фангален — сидит аккуратно, руки на коленях. Тихий. Внимательный.

Вормзер — сидит, как влитой. Слитый. Русский немец. На своём месте.

Краферт — сидит, ерзает. Молод. Нетерпелив. Хочет — скорее.

Бильс — сидит, не шевелится. Старый. Терпеливый. Ему — всё равно. Он — видел — столько воевод, что ещё один — не удивление.

Дальстон — сидит, развалившись, ноги в стороны, сабля — между колен. Не — небрежно — вольно. Как — равный. Не — подчинённый. Это — почувствовали все. Полунин — за столом, в углу, с пером — нахмурился. Фанрозенбах — чуть повернул голову. Фангален — опустил глаза. Они — видели. Они — знали: Дальстон — не признаёт. Пока — не признаёт.

Григорий — видел тоже. Но — не подал виду. Начал — ровно, без вступления, без светской беседы, без «господа офицеры». Просто — дело.

— Полки — по списку. Семь полков, сорок шесть рот, около девятнадцати тысяч ратных людей. Полковые пушки — сорок две. Пороху — на два боя. Свинцу — на три. Лошадей — не хватает. Сена — не хватает. Хлеб — есть, пока. Засеки — ветхие. Надолбы — гнилые. Волчьи ямы — засыпаны. Это — что есть. Теперь — чего нет. Чего нет — нет денег. Денег — нет, потому что — война со шведом. Государь — воюет на севере. Нам — остаётся — своё. Свои люди, свои леса, свои руки.

Он говорил — тихо, ровно, без надрыва. Не — приказывал. Излагал. Как — дьяк читает список. Факты — один за другим, без эмоций, без украшений. Это — тоже от Лихачёва: «Сначала — факты. Потом — выводы. Потом — приказ. Если факты — верны, выводы — ясны, приказ — не нужен. Люди — сделают сами. Если факты — неверны — приказ не поможет».

Фанрозенбах — слушал. Кивал. Его полк — рейтары, тяжёлая кавалерия, — был лучший в разряде. Он — знал свои слабости: лошади, корм. Кивнул — на «лошадей не хватает». Знал.

Фангален — слушал, сложив руки. Его драгуны — были в порядке. Он — следил. Но — сена, дров — да. Не хватало.

Вормзер — сидел, неподвижный. Его полк — крепкий, но — старый, многие солдаты — по сорок лет, отслужили. Нужна — замена. Молодые. Учить.

Краферт — ёрзал. Ему — хотелось не списков, не пороха — боя. Молодость.

Бильс — молчал. Старый. Терпеливый. Ему — всё равно. Он — видел — столько воевод, что ещё один — не удивление.

Дальстон — молчал. Но — не так, как Бильс. Бильс молчал от старости, от усталости, от — «всё это уже было». Дальстон — молчал от ожидания. Ждал. Чего? Когда воевода — скажет что-то, что — стоит ответить. Пока — не сказал. Списки — не стоили. Порох — не стоил. Сено — не стоило. Дальстон — ждал — другого. Он — ждал — человека. Кто — этот молодняк? Что — он умеет? Что — он видел? Был ли он — в бою? Командовал ли — полком? Стоял ли — под огнём? Или — только — в приказной избе, с пером?

Григорий — закончил изложение. Помолчал. Потом:

— Вопросы — спрашивайте. Сейчас. Не потом. Потом — поздно.

Тишина. Пауза. Фанрозенбах — кашлянул:

— Лошадей — сколько не хватает?

— Триста. Для рейтар — двести, для драгун — сто. Буду писать Государю. Но — пока — нет. Надо — решать. Своими — людьми, своими — запасами. Если — есть идеи — говорите.

Фанрозенбах — кивнул. Предложил:

— Можно — купить у казаков. Слободских. У них — табуны, степные, крепкие. Не — породистые, но — выносливые. Для драгун — подойдут.

— Хорошо. Пиши — Краферту. Пусть — едет в Сумы, к полковнику Кондратьеву. Поговорит. Цену — узнает. Не — покупай пока. Доложи мне.

Краферт — встрепенулся. Ему — дело. Настоящее. Не — бумага.

Фангален — тихо:

— Сена — мало. Но — лугов много. По Северскому Донцу, ниже крепости, — луга. Если — косить — хватит.

— Коси. Людьми — полка. Не — горожан. Горожане — крепость чинят. Сено — ваше. Фангален — кивнул. Аккуратно, как — всё.

Вормзер — молчал. Потом — сказал, медленно, как — думал вслух:

— Солдаты — старые. Сорок лет — многим. Надо — молодых. Учить. Не — сегодня — завтра. Но — в зиму. Зимой — учить.

— Хорошо. Зимой — ученье. Каждый день. Строй, залп, штык. Не — парад. Бой. Как — в бою. Кто не готов — гони. Не — держи. Лучше — меньше, да — лучше.

Вормзер — кивнул. Он — был согласен. Он — давно — так думал.

Дальстон — молчал. Все — говорили. Он — молчал. Сидел, развалившись, сабля между колен, и — смотрел на Григория. Не — на других. На — Григория. Оценивал. Взвешивал. Сравнивал — с тем, что — видел. Двадцать лет — офицер. Пять лет — в России. Полк — свой. Люди — свои. А — воевода — новый. Молодой. Окольный — из стольников. Что — он понимает? Что — он видел? Списки — читал. Карты — смотрел. А — был ли — в седле? Под — огнём? Или — только — в приказной избе?

Григорий — видел, что Дальстон молчит. Ждал. Не — торопил. Не — вызывал. Ждал. Этому — тоже Лихачёв учил: «Кто молчит — тот — думает. Кто — думает — тот — скажет. Когда — скажет — слушай. Это — важнее, чем — то, что сказали первые».

Пауза — длилась. Дьяк Полунин — строчил пером, записывая. Фанрозенбах — кашлянул. Фангален — поправил ус. Краферт — ёрзал.

Дальстон — заговорил. Голос — низкий, хриплый, с шотландским грассированием, от которого русские слова звучали — как камни по жести. Не — красиво. Но — ясно.

— Я — один вопрос. Ваше превосходительство.

Григорий — посмотрел. Спокойно.

— Спрашивай.

Дальстон — не встал. Не — выпрямился. Остался — как сидел: развалившись, ноги в стороны, сабля между колен. Это — было — намеренно. Не — дерзость — проверка. Как — конь, который закладывает уши: не нападает — присматривается.

— Сколько — вы воевали?

Тишина. Все — замерли. Фанрозенбах — опустил глаза. Фангален — побледнел. Краферт — открыл рот. Полунин — остановил перо. Даже Бильс — шевельнулся. Вопрос — был — прямой. Как — удар. Не — по уставу. Не — по чину. По — сути.

Дальстон — спрашивал: ты — кто? Ты — воин или — приказчик? Ты — рубил или — писал? Ты — стоял или — сидел? Ответь. Если — можешь.

Григорий — не торопился. Не — вскипел. Не — побледнел. Не — покраснел. Сидел — ровно, руки на столе, и — смотрел на Дальстона. Долго. Пять секунд. Десять. Пятнадцать. Дальстон — не отвёл глаз. Тоже — смотрел. Два взгляда — столкнулись. Тихо. Без — звука. Но — тяжело, как — два камня.

Потом — Григорий — заговорил. Тихо. Ровно. Без — вызова. Без — оправдания.

— Я стоял под Свинаями. В 1633-м. Мне — тринадцать. Не — командовал. Стоял. С пищалью. Видел — как татары рубили строй. Видел — как падали люди. Не — побежал. Стоял. Это — первое.

Дальстон — молчал. Глаза — сузились.

— Второе. Крапивна. Засечная черта. Смотритель. Не — воевода. Смотритель. Но — там, на черте, — я держал. Татары — пришли. Три раза. Три раза — ушли. Не — потому что — я — храбрый. Потому что — засека — стояла. Люди — стояли. Я — стоял. Вместе.

— Третье. Дубровна. 1634-й. Поляки. Первый бой. Первый — командир. Полурота. Сорок человек. Держали деревню. Держали — день. Потерял — шестерых. Не — побежал. Не — отступил. Стоял.

— Четвёртое. Слонигородок. 1634-й. Ночной бой. Через — болото. Татары. Не — я командовал. Командовал — князь Львов. Но — я был — там. Рубил. Видел. Запомнил.

Дальстон — слушал. Лицо — неподвижное. Маска.

— Пятое. Переяслав. 1654-й. Царь Алексей Михайлович. Рада. Гетман Хмельницкий. Присяга. Я — был. Не — командовал. Стоял. За царём. За — гетманом. Смотрел. Слушал. Запоминал.

Он — помолчал. Потом — добавил:

— Шестого — нет. Я — не командовал полком. Не — водил тысячи. Не — брал города. Не — стоял под стенами с армией. Это — правда. Я — не ты, полковник. Ты — двадцать лет воюешь. Я — нет. Но — я здесь. И — я — остаюсь. А — что будет дальше — увидим. Вместе.

Тишина. Долгая, тяжёлая, как — степной зной.

Дальстон — молчал. Долго. Потом — усмехнулся. Не — злорадно. Не — снисходительно. Усмехнулся — как человек, который — услышал. Не — то, что хотел. Но — правду. А — правда — лучше, чем — ложь. Ложь — он бы — раскусил. За двадцать лет — научился. А — правда — редкость. Правда — стоит — дороже.

Он — встал. Впервые — встал. Не — потому что надо. Потому — захотел. Выпрямился — весь, во весь рост, широкий, рыжий, сабля на боку, шпоры — гремят. Посмотрел на Григория — сверху вниз. Григорий — сидел. Не встал. Не — ответил на жест. Просто — смотрел.

Дальстон — сказал. Коротко. Хрипло:

— Ладно.

И — всё. Одно слово. Но — встал. И — это — было — достаточно. Не — уважение. Не — дружба. Но — признание: этот — не врёт. Этот — стоит. Пока — стоит.

Он — вышел. Шпоры — стукнули в двери. Тишина — осталась.

Фанрозенбах — выдохнул. Фангален — поправил ус. Краферт — закрыл рот. Полунин — макнул перо. Бильс — шевельнулся. Вормзер — кивнул — едва, еле заметно.

Григорий — сидел. Молчал. Руки — на столе, неподвижные. Сердце — билось ровно. Не — быстро. Не — медленно. Ровно. Он — не дрогнул. Не — тогда, перед Дальстоном. Не — сейчас, после.

Олфер — ждал у двери. Не входил — ждал. Когда Григорий вышел, Олфер — не спросил. Просто — шёл рядом, за левым плечом, как — всегда. Молча.

Потом, на полпути к дому, Олфер — сказал. Тихо, не глядя:

— Хорошо.

Одно слово. Как — Дальстон. Как — Иван Молчанка. Как — отец. Одно слово — которое стоило десяти.

Григорий — кивнул. Не — обернулся. Шёл — дальше. Дом. Щи. Дети. Анастасия. Занавески. Квас. Вечер. Завтра — заставы. Завтра — засеки. Завтра — кони, люди, оружие, порох. Завтра — снова — стоять.

Сцена 4. «Письма»

На третье утро Григорий заперся в воеводской комнате разрядной избы. Полунин принёс чернила, перья, бумагу — хорошую, московскую, из Коллегии иностранных дел, не местную, не грубую. Местная бумага — серая, рыхлая, расплывается от чернил. Московская — гладкая, плотная, белая, как пергамент. На такой — царю пишут. На другой — нельзя.

Григорий сел за стол — маленький, у окна, с видом на крепостную стену и на степь за ней. Утреннее солнце било в окно косо, освещая половину стола, половину лица. Вторая половина — в тени. Чернильница — медная, с крышкой, чтобы не пролилось. Перо — гусиное, очиненное, не его, Полунина: своё он привёз, но сломал вчера, проверяя крепость — привычка от отца, тот всегда проверял перо, прежде чем писать. Сломалось. Отец бы — не сломал. Отец — вообще не любил писать. Но — писал. Потому что — надо.

Писать царю — не то, что писать жене. Жене — можно: «Жив. Здрав. Служу. Детей целую». Царю — нельзя. Царю — каждое слово в вес. Царь читает — не глазами, дьяками. Дьяки — читают, выжимают суть, докладывают — коротко. Если письмо — длинное, путаное, дьяк сократит, и — сократит не так, как ты хотел. Значит — пиши так, чтобы сократить было нечего. Каждая строка — факт. Каждый факт — число. Число — не приблизительное, а точное. Точность — уважение. К царю — и к себе.

Григорий обмакнул перо. Начал.

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси самодержцу, боярин твой и воевода князь Григорий Григорьевич Ромодановский челом бьет.

В Белгород приехал июня в первый день. Дела принял у прежнего воеводы, князя Львова, сполна. Крепость — стоит, стены рубленые, дубовые, шесть лет от строения, в целости. Острог — цел. Пушечных бойниц — сто тридцать, ружейных — две тысячи двести шестьдесят пять. Орудий — сорок два, в том числе полковых — двадцать, крепостных — двадцать два. Пороху — семьдесят бочек, свинцу — сорок пудов. На два боя — хватит. На три — нет.

Полков — семь. Рейтары — один, полковник Фанрозенбах. Драгуны — один, полковник Фангален. Солдатских — четыре: Вормзер, Краферт, Бильс, Дальстон. Стрельцов — приказ, голова Савельев. Черкасских слободских полков — четыре: Острогожский, Сумской, Ахтырский, Харьковский, под своими полковниками.

Ратных людей — около девятнадцати тысяч. Лошадей — мало. Не хватает трёхсот: двумстам рейтарам и ста драгунам. Попросить — не у кого, кроме как у Государя. Казачьи табуны — есть, но казаки — продают дорого, а денег — нет. Сена — мало. Лугов по Донцу — много, но косить — некому, ратные люди на службе, а горожан гнать — недовольство. Дров — мало. Лес — есть, но возить — далеко, четыре версты.

Засеки — ветхие. Деревья подгнили, иные повалены, проход открыт. Надолбы — гнилые, конь перешагнёт. Волчьи ямы — засыпаны. Не все — но многие. Застав — двенадцать, караулов — двадцать четыре, но — не на всех заставах люди есть. Иные — пусты. Сторожа — не хватает. На четыре заставы — по два человека. Мало. Татары пройдут — если не починить.

Хлеб — есть. Пока. В амбарах — четыре тысячи четвертей ржи и овса. На три месяца — хватит. Потом — жать. Покосы — плохие, июнь жаркий, трава выгорела. Сено — будет мало. Надо — покупать у казаков, у горожан. Денег — нет.

Денег — нет, потому что — война со шведом. Это — ведаю. Но — без денег — черту не починить. Засеки, надолбы, волчьи ямы — лес, люди, работа. Лес — есть. Люди — есть. Работы — много. Денег — нет. Прошу Государя: или — деньгами, или — людьми, или — разрешением гнать горожан на работу. Без этого — черта — не стоит.

Олфер Тимофеевич Суковатый, стремянный мой, выехал на объезд засечной черты. Доложу — по возвращении.

А обо мне — Государь не сомневайся. Стою. Служу. Как — батюшка служил. Как — братья служат. Не — для себя. Для — земли.

Боярин твой, князь Григорий Ромодановский».

Он перечитал. Поправил — одно слово: «четыре тысячи четвертей» — зачеркнул, написал «около четырёх тысяч». Точнее. Не ровно четыре, а — около. В амбарах — считали, но — могло и поменяться, пока письмо дойдёт. Точность — уважение. Но — ложная точность — хуже неточности.

Свернул. Запечатал. Печать — воеводская, свинцовая, на шнурке. Оттиск — герб Ромодановских: орёл с мечом. Печать — тяжёлая, в ладонь. Каждый оттиск — как присяга. Подписал — на обороте: «Государю. С первым гонцом. Срочно».

Полунин — взял. Вышел. В общей комнате — засуетились: гонца — искать, коня — седлать, охрану — ставить. Письмо — царю, не бабке, по дороге — перехватить могут. Поляки — если узнают, что воевода жалуется на слабость черты, — воспрянут. Татары — если узнают,

что заставы пусты, — придут. Письмо — тайна. Гонец — не один, с тремя стрельцами. Маршрут — не прямой, через Обоянь, через Курск, через Тулу. Десять дней — до Москвы. Если — дойдёт. Если — нет — второе письмо, с другим гонцом, через неделю. Так — принято. Так — делал ещё отец.

Григорий остался. Смотрел в окно. Степь — за стеной, ровная, выжженная, с курганами на горизонте. Жаворонок — в небе, высоко, трель — тонкая, долгая. Ветер — ровный, тёплый, несёт полынь. Где-то — там, за курганами, за ковылём — татары. Может — далеко. Может — близко. Не — узнать. Не — увидеть. Только — услышать. Когда — будет поздно.

Он подумал: «Отец — не писал писем. Отец — стоял. Перо — не его. Но — время — другое. Тогда — четыре тысячи. Теперь — девятнадцать. Тогда — сабля. Теперь — система. Система — это перо, бумага, список, число, печать. Без этого — сабля — бесполезна. Сабля рубит одного. Перо — двигает тысячи».

Лихачёв — учил. Давно. В Москве, в Разрядном приказе, когда Григорий сидел мальчишкой и слушал, как дьяки считают полки по спискам. «Бумага, — говорил Лихачёв, — это не писанина. Бумага — это меч. Только — длиннее. Меч — рубит сегодня. Бумага — рубит завтра. Меч — один враг. Бумага — десять полков. Умей — писать. Это — не слабее, чем — уметь рубить».

Григорий — умел. Не — красиво. Не — складно. Но — точно. Каждое слово — в цель. Как свайка. Бросил — попал. Не — с первого раза, но — попал.

Второе письмо — короче. Анастасии. В Белгород, домой. Хотя — дом — тут же, через дорогу, но — письмо — нужно. Не для информации — для неё. Она — не спросит. Она — никогда не спрашивает: «Как дела? Как служба? Как там?» Она — знает. Она — видит. По лицу, по рукам, по тому, как он входит в дом — прямо или — сутулясь, по тому, как ест — с аппетитом или — без. Но — письмо — это другое. Письмо — это слово, которое можно перечитать. Держать в руках. Прижать к груди. Спрятать в сундук, под образ, под полотно. Это — не разговор. Это — вещь. Вещи — держатся дольше, чем слова.

«Настасья.

Письмо — Государю. написал. Денег — нет. Людей — нет. Засеки — гниль. Но — стою. Не — бойся. Не — сегодня — завтра. Не — завтра — никогда. А — когда — надо. Тогда — и — будет.

Олфер — на засеках. Вернётся — доложит. Дом — как? Дети — как? Андрей — не шалил? Михаил — не болел? Марфа — помогает?

Приду — к вечеру. Рано — не жди. Перо — не меч. Перо — дольше. Но — приду.

Григорий».

Коротко. Как — ей. Не — как царю. Царю — числа. Ей — чувства. Только — чувства — не словами, а — паузами. «Не бойся» — это любовь. «Приду» — это обещание. «Дети — как?» — это нежность. Без — нежных слов. Как — Иван Молчанка: одно слово — а — всё.

Он запечатал. Печать — не воеводская, простая, сургучная, без герба. Печать — домой. Отнёс — сам. Через дорогу. Полунин — хотел послать рассыльного. Григорий — отказал:

— Сам. Это — не письмо. Это — домой.

Полунин — кивнул. Не — понял. Но — кивнул. Дьяки — не понимают «дом». Дьяки — понимают «канцелярия». Но — Григорий — не дьяк. Григорий — воевода. А воевода — который не помнит дом — не устоит на черте. Потому что — черта — это не линия. Черта — это дом. Дом, который — защищают.

Сцена 5. «Объезд»

Олфер вернулся на пятый день — раньше, чем ждали. Это значило — или всё хорошо (невозможно), или — всё плохо (вероятно). Олфер не возвращался раньше срока, когда всё хорошо. Он возвращался раньше, когда — плохо. Потому что — когда плохо, тянуть — нельзя. Когда хорошо — можно и подождать.

Он въехал во двор на закате, когда солнце уже висело над степью — низкое, красное, как медный щит, и тени от стен лежали длинные, через весь двор, до колодезного журавля. Конь — не его, степной, казачий, — был в мыле, в пыли, с пеной на губах. Ехал — быстро. Не — скакал, но — быстро, рысью, без передышки. Пять дней — в седле. Ночи — на земле, у костра, или — без костра, в степи, в тулупе, под звёздами. Олфер — не уставал от верховой езды. Верховая езда — это не труд, это — дыхание. Уставать от верховой езды — всё равно что уставать от ходьбы. Но — пять дней по жаре, по пыли, по степи, без тени, без воды — это не верховая езда. Это — служба.

Григорий — ждал. Не во дворе — в разрядной избе, за столом, с картой. Но — услышал. Конь — заржал у конюшни, и — Григорий поднял голову. Знал: это — Олферов. Не по голосу коня — по — времени. Рано. Значит — плохо.

Олфер вошёл — не постучав. Не из грубости — из права. Стремянный — не стучит. Стремянный — входит. Это — не правило, это — привычка, отцовская, из походной жизни, когда стук — значит — враг, а без стука — свой.

Григорий — не поднялся. Не потому что — сидел, а потому что — нельзя. Нельзя — встревожиться. Нельзя — вскочить. Нельзя — показать, что — ждал, что — беспокоился. Воевода — не беспокоится. Воевода — слушает. Олфер — это знает. И — Григорий — это знает. Два молчания — договорились.

Олфер — сел. Не на лавку — на край стола, как — всегда. Ноги — в пыльных сапогах, на полу. Руки — на коленях. Лицо — загорелое, обветренное, как кожа старого седла. Глаза — тёмные, глубокие. Устал? Нет. Не — устал. Олфер не уставал. Он — собирал.

— Рассказывай, — сказал Григорий. Тихо. Ровно.

Олфер — начал. Без вступления, без «значит, так» или «вот какое дело». Просто — суть, как — Лихачёв учил, как — отец говорил, как — Иван Молчанка — молчал:

— Заставы — двенадцать. Объехал — восемь. Четыре — не успел. Далеко. Но — восемь — хватит, чтобы — понять.

Пауза. Олфер — не торопился. Говорил — медленно, взвешивая каждое слово, как — монету на ладони.

— Из восьми — три — пустые. Ни — души. Ни — сторожа, ни — караула. Ни — костра, ни — следов. Пусто. Татары пройдут — и — не заметят. Никто — не увидит. Пока — не дойдут до города. Пока — не — поздно.

Григорий — молчал. Карандаш — в руке, отмечал на карте. Три заставы — пустые. Где? Олфер — показал: Карпово, Шопино, Дальние Пески. Три заставы — на южной черте, на самом опасном участке, ближе всего к Дикому полю. Пустые.

— Дальше. Две заставы — есть люди. По — два человека. По — два. На заставе. Татары — ходом — по триста, по пятьсот. Два человека — не застава. Два человека — это — два трупа. Татары — их — снимут, пройдут, и — дальше. Никто — не предупредит.

Григорий — отметил. Карандышево, Песчанка. По два сторожа. Мало.

— Три заставы — есть люди. По — пять, по — шесть. Это — лучше. Но — из пяти — двое — старики. Один — хромой. Один — мальчишка, шестнадцати лет, не служил, не стрелял, мушкет — в руках — не держал. Один — нормальный. Один — из пяти. Остальные — — баласт.

Григорий — отметил. Три заставы: Бобровы Дворы, Козьмодемьянское, Студёнка. Пять-шесть человек, но — половина — негодна. Один — из пяти — боец. Это — не застава. Это — видимость.

— Засеки. От Карпова до Шопина — четыре версты. Засека — деревья повалены, стволы — в два ряда, в разные стороны. Но — подгнили. Три года — не чинили. Стволы — мягкие, нож входит — по рукоять. Конь — если хочет — перепрыгнет. Татары — не перепрыгнут. Но

— обойдут. Засака — не сплошная. Есть — дыры. Проломы. Между деревьями — проходы. Татары найдут — в ночь, в туман. Пройдут — и — не заметят.

— Надолбы. Гнилые. Половина — сгнила. Конь — перешагнёт. Вторая половина — кривые, покосились, в земле — по колено, торчат — как гнилые зубы. Татары — спешатся, пройдут — пешком, между ними. Потом — сядут. И — дальше.

— Волчьи ямы. Засыпаны. Все. Не — одна, не — две. Все. Земля — осыпалась, трава — заросла. Не — видно. Не — найдёшь. Если — не знать — где. Я — знаю. Татары — не знают. Но — татары — не дураки. Раз — пройдут. Два — пройдут. На третий — найдут. Запомнят. И — больше — не боятся.

Григорий — отложил карандаш. Молчал. Долго. Смотрел на карту. Тридцать восемь городов. Четыреста верст. Двенадцать застав. Восемь — объеханы. Три — пустые. Две — по два человека. Три — полулюди. Засаки — гниль. Надолбы — гниль. Ямы — засыпаны. Черта — не стоит. Черта — фикция. Линия на карте, и — больше ничего.

Олфер — замолчал. Ждал. Не — торопил. Не — спрашивал: «Что — делать?» Не — предлагал. Просто — ждал. Это — его работа: объехать, увидеть, доложить. Решать — воевода. Олфер — докладывал. Воевода — решал. Так — было. Так — будет.

Григорий — заговорил. Медленно, как — думал вслух:

— Людей — не дам. Полки — на месте. Снимать с полков — нельзя. Если сниму — полки ослабнут. Полки — на городе. Заставы — в поле. Город — важнее. Но — без застав — город — слепой. Узнают — когда — уже — у стен. Это — поздно. Это — поздно — на один день. Один день — это — триста татар — в посаде. Триста — это — полон, пожар, смерть.

Олфер — кивнул. Знает. Видел. В 1633-м, под Свиньями, — так и было. Застава — пуста. Татары — прошли. Узнали — когда — у деревни. Поздно. Тридцать человек — пало.

— Будем — чинить. Своими. Горожанами. Крестьянами. Не — ратными. Ратные — стоят. Горожане — чинят. Засаки — рубить. Надолбы — ставить. Ямы — копать. Заставы — людьми. Не — солдатами. Охотниками. Из — местных. Из — посадских. Из — казаков. Кто — хочет — служить. Кто — хочет — землю — защищать. Не — за жалованье — за — землю. Земля — дороже жалованья.

Олфер — подумал. Покачал головой. Медленно, не — отказ, а — сомнение.

— Горожане — не захотят. У них — огороды, лавки, торг. Их — гнать — надо. А — гнать — недовольство. А — недовольство — это — как — татары. Только — изнутри.

— Знаю. Но — выхода — нет. Гнать — надо. Но — не — кнутом. Кнутом — один раз. Потом — бунт. Надо — словом. Объяснить. Показать. Что — если не засака — то — татары. Если татары — то — полон. Если полон — то — жена, дети, дом — всё. Понявший — пойдёт. Не понявший — не пойдёт. Но — понявших — больше. Люди — не — глупы. Люди — напуганы. Напуганный — работает. Если — правильно — напугать.

Олфер — усмехнулся. Едва. Краем рта. Как — всегда. «Правильно — напугать» — это — Григорий. Это — не — отец. Отец — не пугал. Отец — стоял. И — люди — стояли. Григорий — пугал. И — люди — работали. Разные — методы. Один — результат. Олфер — видел — обоих. Знал — обоих. Служил — обоим. И — тому, и — другому — верно.

— Завтра, — сказал Григорий. — Поеду — сам. По засакам. С — тобой. Посмотрю. Сам. Не — по бумагам. По — глазам. Потом — грамота — горожанам. Потом — работа. Но — завтра.

Олфер — кивнул. Встал. Пошёл — к двери. На пороге — остановился. Не — обернулся. Сказал — в косяк, тихо, как — про себя:

— Лошадь — дай. Моя — пала. На обратном. Колено — споткнулась, в яму, сломала. Пришлось — застрелить. Казачью — одолжил. Вернуть — надо.

— Вернём. Завтра — дам. Из — воеводских. Выбирай — сам.

Олфер — кивнул. Вышел. Дверь — скрипнула. Тишина.

Григорий — остался. Смотрел на карту. Три заставы — пустые. Карандаш — в руке. За окном — закат. Степь — красная, как кровь. Курганы — чёрные, как головы. Ветер — стих. Жаворонок — замолчал. Тишина. Степная, тяжёлая, как — предгрозье.

Он думал: «Отец — стоял. С четырьмя тысячами. Против — десяти. И — устоял. Потому что — стоял. А здесь — девятнадцать. Против — кого? Татар — невидно. Поляков — не слышно. Турок — далеко. А — черта — не стоит. Не — потому что — враг — силён. Потому что — своих — мало. Своих — на заставах — нет. Своих — на засеках — нет. Свои — в городах, в полках, в избах. А — в поле — пусто. Поле — пустое. Поле — — открытое. Поле — ждёт».

Завтра — поедет. Сам. С Олфером. По засекам, по заставам, по — дырам, по — гнили. Своими — глазами. Не — чужими — словами. Так — отец — делал. Так — Лихачёв — учил. Так — он — будет — делать.

Сцена 6. «Вечер»

Григорий пришёл домой, когда уже стемнело. Июньские ночи — короткие, тёмные, но — тёплые. Степной ветер — стих к вечеру, и воздух стоял — густой, тёплый, пахнувший полыньёю, нагретой землёй и где-то далеко — дымом. Крепость — затихла. На стенах — караулы, факелы, шаги. В посаде — собаки, звон цепей, детский плач. У собора — тихо, тёмно, только лампада в алтаре — мерцает, едва-едва, как звезда в тумане.

Воеводский двор — тихий. Потап Гаврилыч — уже спал, лёг рано, по старости, но — ключи — на гвозде, у двери, на случай, если понадобится. Маша — стряпуха — ушла в поварню, прибирала, звякала горшками. Марфа — на крыльце, ждала. Восемь лет, русая коса, серые глаза — отцовские. Увидела — вскочила. Не — побежала. Вскочила — и — стоит. Как — мать. Не — бросается, не — кричит. Стоит — и — ждёт.

— Батюшка, — сказала она. Тихо. — Мама — ждёт. Щи — остыли. Два раза — грела.

Григорий — погладил её по голове. Коротко, без слов. Прошёл — в дом.

Горница — тёплая, тёмная. Две свечи — на столе, восковые, в медных шандалах. Печь — остывшая, но — тёплая, от неё — идёт жар, мягкий, ровный. Пахнет — щами, хлебом, мятой (Анастасия клала мяту в квас, по матери, по старинному обычаю). Занавески — белые, с вышивкой, те самые, что — повесила в первый день. В углу — образ Богородицы, с лампадкой — маленькой, красной, мерцающей.

Анастасия — за столом. Не — суетится. Не — бегают. Сидит. Ждёт. В тёмном сарафане, в белом платке, повязанном крепко. Лицо — круглое, мягкое, усталое. Глаза — тёмные, внимательные. Руки — на столе, сложенные. Не — без дела — отдыхают. Руки Анастасии не отдыхали никогда. Даже — сейчас, сложенные, они — были готовы: встать, налить, подать, убрать.

— Сядь, — сказала она. Не — вопрос. Констатация. — Ешь. Потом — расскажешь.

Григорий — сел. Снял шапку. Положил — на лавку, рядом. Анастасия — налила щи. Горячие, густые, с капустой и говядиной, с лавровым листом. Хлеб — нарезанный, ржаной, чёрный, с коркой. Квас — в глиняном кувшине, холодный, с мятой.

Он — ел. Молча. Анастасия — сидела напротив, не ела. Ждала. Не — спрашивала. Знала: расскажет — когда поест. Голодный — не рассказывает. Голодный — ест.

Дети — спали. Андрей — на печи, свесив руку, храпел — тихо, по-детски, с присвистом. Михаил — на лавке, на тулупе, свернувшись калачом, маленький, тонкий, с раскрытым ртом. Марфа — в сенях, на лежанке, тихо, как — мать, как — бабка. Все — спали. Только — эти двое — за столом, со свечами, с щами, с молчанием.

Григорий — доел. Отодвинул миску. Вытер рот. Выпил квас. Вздыхнул. Посмотрел на Анастасию. Она — смотрела. Ждала.

— Плохо, — сказал он. Одно слово. Тихо.

Анастасия — не дрогнула. Не — побледнела. Не — ахнула. Кивнула. Как — Иван Молчанка. Как — Марфа. Кивок — вместо — крика.

— Насколько?

— Засеки — гниль. Заставы — пустые. Людей — нет. Денег — нет. Татары — придут. Не — сегодня. Не — завтра. Но — придут. Всегда — приходят.

Анастасия — молчала. Долго. Потом — спросила. Не — «что делать?» (не — её вопрос). Не — «уедем?» (не — её слово). Другое:

— Олфер — что — сказал?

— Олфер — сказал: чинить. Всё — чинить.

— Олфер — правильно — сказал. Олфер — всегда — правильно.

Григорий — усмехнулся. Краем рта. Олфер — «всегда правильно» — это — от Анастасии — многого стоит. Она — не хвалила. Не — потому что — скупа, потому что — точна. Если — хвалит — значит — — правда.

— Чинить, — повторила она. — Чинить — это — работать. Работать — это — люди. Люди — это — еда. Еда — это — хлеб. Хлеб — это — мука. Мука — это — зерно. Зерно — это — — поле. Поле — это — труд. Круг — замыкается. Всё — одно. Воевода — чинит засеки. Баба — — печёт хлеб. Не — разделить.

Григорий — смотрел на неё. Думал: «Вот — она. Не — красивая, не — учёная, не — знатная. Но — умная. Не — книжно, не — по-дьячьи. По — жизни. По — рукам. По — тесту. Она — понимает — систему. Не — слово знает — смысл — видит. Засека — это — не дерево. Засека — это — хлеб. Хлеб — это — не мука. Хлеб — это — засека. Всё — одно. Она — — знает. Без — Лихачёва. Без — Разрядного приказа. Без — карт. По — тесту, по — печи, по — детям. Но — знает».

— Завтра — поеду. На засеки. С Олфером. Вернусь — поздно. Не — жди.

— Не — жду. Жду — когда — приедешь. Не — когда — поздно. А — когда — приедешь. Разница — есть.

Григорий — посмотрел. Она — не улыбалась. Но — в глазах — тепло. Не — на лице, внутри. Глубоко. Как — лампадка в алтаре. Маленькая, красная, мерцающая. Не — для всех — для — одного.

Он — встал. Поцеловал её в лоб. Коротко, сухо, как — отец. Не — в губы, не — в щёку. В лоб. Так — целовал отец — мать, когда уезжал. Так — целовал — молча. Прощание и обещание — в одном прикосновении.

Анастасия — не ответила. Только — закрыла глаза. На — секунду. Потом — открыла. Взяла — миску, ложку, кувшин. Пошла — убирать.

Григорий — вышел на крыльцо. Ночь. Тёмная, тёплая. Звёзды — крупные, яркие, степные, ближе, чем в Москве. В Москве — небо — грязное, от дыма, от костров, от печей. Здесь — чистое. Глубокое. Бесконечное. Ковш — на севере, прямо над крепостью. Млечный путь — через всё небо, от — востока до — запада, белая река, как — дорога, как — черта, как — линия, которую — не видно, но — есть.

Олфер — у конюшни. Не — спал. Чистил саблю. Сидел на чурбане, при свете — одной свечи, в миске, на земле. Шурх. Шурх. Водно, ровно, как — метроном. Сабля — тёмная, старая, не — его — Григорьева, отцовская. Олфер — чистил. Не — свою — чужую. Потому что — завтра — в поле. А в поле — сабля — должна — блестеть. Даже — чужая.

Григорий — постоял на крыльце. Слушал. Шурх. Шурх. Сверчок — где-то в траве, за забором. Собака — у соседей, дьяка, тявкнула — раз, и — замолчала. Ветер — тишина. Жара — спадает. Роса — на траве, на крыше, на дрова, что — Олфер наколот вчера. Ровные, одинаковые, как — солдаты.

Он подумал: «Система — это не армия. Система — это люди. Оружие. Лошади. Хлеб. Порох. И — воля. Воля воеводы. Без воли — всё — гниль. С волей — стоит. Надо — воля. Моя — воля. Белгород — мой. Юг — мой. Ответ — мой. Стоять».

Шурх. Шурх. Сабля — блестит. Звёзды — горят. Дети — спят. Жена — убирает. Олфер — чистит. Крепость — стоит. Степь — ждёт. Татары — где-то. Далеко. Или — близко. Не — узнать. Не — увидеть. Только — слышать. Когда — будет поздно. Или — не слышать. Если — засека — встанет. Если — застава — заполнится. Если — люди — встанут. Если — воля — будет. Его — воля.

— Завтра, — сказал Григорий. В темноту. В степь. В ночь.

— Завтра, — ответил Олфер. Не — поднимая головы. Шурх. Шурх.

Глава 2. Система

Сцена 1. «Дальстон»

Неделя прошла в работе. Григорий вставал до света, шёл в разрядную избу, читал донесения, писал ответы, считал, сверял, подписывал. К полудню — выезжал. С Олфером, с двумя стрельцами — на засеки, на заставы, на караулы. Вёрсты — считались не десятками, сотнями. Степь — одна и та же: полынь, ковыль, курганы, жара, пыль. Но — каждый день — новая дыра, новый гнилой надолб, новая пустая застава. Олфер — молчал, считал, запоминал. Григорий — молчал, записывал, помечал на карте. К вечеру — домой. Щи, квас, дети, Анастасия, свеча. Утром — снова.

На восьмой день — случилось.

Григорий выехал утром, как обычно, но не на засеки — в полк. В солдатский полк Дальстона, в лагерь за крепостью, на южной стороне, у речки Везёлки, где стояли палатки и землянки. Не — по плану. По — слуху. Полунин — доложил накануне, тихо, без комментариев, как — дьяк докладывает: «Полковник Дальстон — ученье — не проводит. Двенадцатый день. Солдаты — в лагере, без строя. Список учений — не подан. Рапорт — не подан. Ни — слова».

Григорий — выслушал. Не — ответил. Не — спросил. Только — отметил, в памяти, как — на карте: точку. Красную. Тревожную. Дальстон — не учил полк. Двенадцать дней. Это — не лень, не забывчивость. Это — вызов. Молчаливый, обдуманый, как — всё, что Дальстон делал. Он — не признавал воеводу. В разрядной избе — встал, сказал «ладно» — и — всё. «Ладно» — это не подчинение. «Ладно» — это: посмотрим. Пока — посмотрим. А — пока — не учу. Потому что — не хочу. Потому что — не ты мне — приказываешь. Пока — не ты.

Григорий — ехал в полк. Не — в телеге, не — в кибитке. Верхом, на гнедом, в дорожном кафтане, с саблей. Олфер — рядом, как — всегда. Два всадника — и тишина. Степь — вокруг, утренняя, прохладная, с росой на траве, с туманом в низинах. Жаворонки — в небе, трель — тонкая, долгая, как — нить, протянутая от земли к небу. Солнце — низко, бьёт в спину, тени — длинные, впереди, к югу, к — полку.

Лагерь — за речкой, на пологом холме. Палатки — брезентовые, серые, выцветшие. Землянки — в берегу, с бревенчатыми стенками и земляными крышами. Костры — дымились, вялые, от сырых дров. Запах — дёготь, конский навоз, кислая капуста из котла. Люди — были. Но — как — были? Не — стояли, не — строились, не — учились. Сидели. У костров, у палаток, на траве. Кто — в рубахе, кто — без, кто — босой. Один — спал, накрывшись кафтаном. Двое — играли в зернь, на барабанном поле, у костра. Мушкеты — не видать. Где — мушкеты? В палатках, в землянках, в — сырых местах. Ржавеют.

Олфер — смотрел. Молчал. Но — Григорий — чувствовал: Олфер — кипит. Не — снаружи. Внутри. Как — чайник, который — вот-вот. Олфер — не выносил небрежности. Олфер — выносил боль, усталость, холод, голод, смерть. Но — небрежность — нет. Небрежность — это — не слабость. Это — неуважение. К — оружию, к — коню, к — сабле. К — себе. Олфер — чистил саблю каждый вечер, даже если не было боя. Даже если не было — врага. Потому что — сабля — должна быть готова. Всегда. Это — не дисциплина. Это — достоинство.

Дальстон — сидел у своей палатки, на складном стуле, с кружкой в руке. Не — один. Рядом — два ротных командира, офицеры из его полка, тоже — шотландцы, тоже — рыжие, тоже — в старых кафтанах. Один — молодой, лет двадцати пяти, с усами и без бороды. Другой — постарше, с окладистой бородой и шрамом на щеке. Они — пили. Что — пили? Квас. Или — пиво. Или — что покрепче, из фляги, которую — передавали. Не — пьяные. Но — не — трезвые. Утро, а — уже. Это — не дисциплина. Это — распушенность.

Дальстон — увидел Григория. Не — сразу. Когда тот — уже въехал в лагерь, когда стрельцы — за ним, когда Олфер — рядом, когда — все увидели. Тогда — Дальстон — под-

нял голову. Посмотрел. Не — встал. Не — вытянулся. Не — отдал честь. Посмотрел — как хозяин на гостя, который пришёл без приглашения. Спокойно, лениво, с тем особым выражением, какое бывает у людей, которые — уверены: это — моя земля, мой полк, мои люди. Ты — гость. А — я — хозяин.

Григорий — спешил. Бросил повод — стрелцу. Прошёл — через лагерь, мимо костров, мимо сидящих солдат. Не — торопясь. Не — оглядываясь. Олфер — за левым плечом, тихо, как тень. Солдаты — поднимали головы. Смотрели. Кто — испуганно, кто — равнодушно, кто — с любопытством. Воевода — в лагере. Это — не каждый день. Воевода — значит — дело. Или — беда.

Григорий — остановился перед Дальстоном. Тот — сидел. Кружка — в руке. Не — поднялся. Не — поздоровался. Просто — смотрел, снизу вверх, с лёгкой усмешкой, с тем — шотландским упрямством, которое — не уважает чин, а — уважает силу.

— Доброе утро, полковник, — сказал Григорий. Ровно. Без — вызова. Без — улыбки.

Дальстон — помолчал. Отпил из кружки. Потом:

— Утро — доброе. Для — кого.

Это — было — намеренно. Не «для кого-то» — «для кого». Без продолжения. Дверь — открыта, но — в тёмную комнату. Григорий — мог войти. Или — нет.

Григорий — вошёл.

— Учения — не было. Двенадцать дней. Почему?

Дальстон — поставил кружку. Медленно, аккуратно. Посмотрел — на офицеров, рядом. Те — замерли. Потом — на Григория. Потом — на Олфера. Олфер — стоял, как столб, руки — за спиной, лицо — камень. Не — двигался. Не — моргал. Просто — стоял. Это — было — хуже, чем — если бы он — рычал. Олфер, который — не двигается, — это — Олфер, который — готовится. Дальстон — это знал. Не — Олфера. Таких, как Олфер. Двадцать лет — в армии. Знал — тип. Старый волк, который — не лает. Только — кусает.

Дальстон — заговорил. Медленно, хрипло, с — гассированием:

— Я — двадцать лет — воевал, князь. Под Брейтенфельдом, под Лютценом, под Нёрдлингенем. Я — водил полки. Я — терял полки. Я — стоял, когда — все бежали. Я — бежал, когда — надо. Я — знаю — войну. Не — по — книгам. По — крови.

Пауза. Вдох.

— А — ты? Ты — что? Смотритель с засеки? Мальчишка, который — стоял с пищалью в тринадцать лет? Это — хорошо. Это — смело. Но — это — не война. Это — пережитое. Война — это — когда — ты — отвечаешь за тысячи. За — их жизни, за — их смерти, за — их — матерей, жён, детей. Ты — — отвечал? За — тысячи? Ты — — командовал — полком? Хоть — раз?

Тишина. Тяжёлая, как — жара. Офицеры — не дышали. Стрельцы — за спиной Григория — замерли. Солдаты у костров — перестали есть, играть, спать. Все — слушали. Все — смотрели.

Олфер — стоял. Не — двигался. Но — Григорий — чувствовал: Олфер — рядом. Не — физически. По-другому. Как — стена, за которой — можно стоять. Как — земля, на которой — можно держаться. Олфер — не вмешивался. Это — не его бой. Это — бой Григория. Олфер — только — стоял. Но — его — стояние — стоило — полка.

Григорий — молчал. Пять секунд. Десять. Долго. Пусть — ждут. Пусть — думают, что — растерялся, что — не нашёл ответа. Пусть. А — он — не растерялся. Он — решал. Не — что ответить. А — как. Потому что — ответ — был. Три ответа — было. Первый — гнев: «Как ты смеешь, полковник! Я — воевода! Ты — подчинённый! Молчать!» Второй — оправдание: «Я — был в боях, я — командовал, я — стоял, я...» Третий — молчание. Но — молчание — это — слабость. Дальстон — сочтёт молчание за — поражение. И — будет — прав.

Григорий — выбрал четвёртый. Не — гнев, не — оправдание, не — молчание. Дело.

— Завтра, — сказал он. Тихо. Ровно. — На рассвете. Все — роты. Строй, залп, штык. Я — буду смотреть. Если полк — не готов — доложу Государю. Не тебе. Ему. Это — не угроза. Это — — уведомление.

Пауза. Потом — добавил. Тише:

— Ты — двадцать лет воевал. Я — уважаю это. Но — ты — не воевал — здесь. Здесь — не Европа. Здесь — степь. Здесь — татары. Здесь — не пики и мушкеты. Здесь — сабля, аркан, лошадь. Твоя пехота — не устоит в чистом поле, если — не научится — строиться — быстро. За — минуты, не за — часы. Татары — не — будут — ждать.

Дальстон — слушал. Лицо — неподвижное. Маска. Но — глаза — дрогнули. Чуть. Едва. Не — уважение. Не — согласие. Но — — внимание. Этот — говорит — дело. Не — чин. Не — гордость. Дело. Это — Дальстон — понял. Этот — не — приказывает. Этот — — объясняет. Разница — есть.

— Завтра, — повторил Григорий. — На рассвете.

Развернулся. Пошёл. Олфер — за ним. Тихо. Без — слова. Стрельцы — за Олфером. Конь — у реки. Сел. Повернул. Поехал. Олфер — рядом. Молча.

На полпути к крепости Олфер — сказал. Тихо, не глядя, как — всегда:

— Он — будет.

— Знаю.

— Будет — злой.

— Знаю.

— Злой — Дальстон — лучше, чем — ленивый.

Григорий — повернулся. Посмотрел. Олфер — усмехался. Краем рта, едва, как — трещина в камне.

— Злой — будет — учить. Ленивый — не — будет. Злой — будет — стараться. Ленивый — не — будет. Злой — будет — доказывать. Ленивый — не — будет. Ты — его — разбудил. Спящий — не — воюет. Злой — воюет. Правильно — злишь.

Григорий — кивнул. Олфер — прав. Злой Дальстон — лучше. Злой — будет — учить, стараться, доказывать. Злой — выложит полк — на ученье, как — на парад. Потому что — захочет показать: мой полк — лучше, чем — ты — думаешь. А — это — и — надо. Не — уважение. Результат. Пусть — злится. Пусть — старается. Полк — будет — готов. А — уважение — потом. Или — не будет. Не — обязательно.

Сцена 2. «Ученье»

На рассвете — Григорий был в лагере. Раньше — Дальстона. Это — было — намеренно. Не — чтобы унижить. Чтобы — показать: я — здесь. Я — не — в приказной избе. Я — в поле. С — вами. В — пыли, в — жаре, на — коне. Не — с — пером, с — саблей. Не — за — столом, на — холме.

Холм — невысокий, пологий, с которого — видно весь лагерь и полковой плац — ровный, утоптаный, сотни шагов в длину и в ширину. Григорий — стоял верхом, на гнедом. Олфер — рядом, ниже, у подножия, на своём — новом коне, гнедом же, из воеводских, выбранном вчера, крепком, спокойном. Олфер — коня — выбирал долго. Не — по масти, не — по красоте. По — норову. Спокойный, ровный, не — пугается выстрелов. Это — важно. Конь, который — пугается выстрелов, — не — боевой. Это — жертва. Олфер — нашёл — спокойного. Проверил: трижды выстрелил из пищали, у — уха. Конь — не дрогнул. Олфер — кивнул. Взял.

Солнце — встало. Огромное, красное, из-за степи, из-за курганов. Тени — длинные, на запад. Роса — на траве, на палатках, на мушкетах, которые — наконец — вынесли из палаток и землянок. Мушкеты — были — ржавые. Не — все, но — многие. Это — было — видно. Григорий — отметил. Не — сказал. Пока.

Дальстон — вышел. Не — вышел — выкатился. Из палатки, в полном доспехе — кираса, шлем, сабля, шпоры. Рыжий, огромный, красный, в поту, от — спешки. Он — спешил. Не —

хотел — опоздать. Не — хотел, чтобы воевода — ждал. Это — было — новое. Вчера — не вставал. Сегодня — спешит. Злой. Олфер — прав: злой — лучше.

Полк — построился. Десять рот. Тысяча двести человек. Строй — ровный, по ротам, в три шеренги. Первая — мушкетёры, с мушкетами, с фитильными шнурами. Вторая — пикинёры, с пиками, длинными, в три сажени. Третья — запасная, с бердышами и топорами. Офицеры — впереди, на конях, по — двое на роту: ротный и подпоручик. Сержанты — по флангам, с алебардами.

Строй — был. Но — какой? Не — кривой, нет. Дальстон — не — позволил бы кривой. Дальстон — умел строить. Двадцать лет — умел. Строй — был — ровный. Но — мушкеты — ржавые. Пики — кривые, две — обломлены, на треть длины. Бердыши — тупые, не точены. Снаряжение — гниль. Люди — стояли, но — инструмент — не стоял.

Дальстон — выехал вперед. Остановился. Посмотрел — на Григория, на холме. Не — вверх. Рядом — холмы, ровно. Посмотрел — прямо. Как — равный. Как — тот, кто — говорит: вот. Смотри. Мой — полк. Что — скажешь?

Григорий — кивнул. Коротко. Это — значит: «Вижу. Продолжай».

Дальстон — скомандовал. Голос — хриплый, мощный, как рёв медведя. Команды — на немецком, потом — на русском, для солдат. Солдаты — знали команды. Десять лет — в полку, некоторые. Знали — на слух, не — по-немецки. Коротко: «Rechts richtet euch!» — «Направо равняйся!» Солдаты — ровнялись. «Macht fertig!» — «К бою готовься!» Мушкетёры — вскидывали мушкеты. Фитили — тлели. Запах — порох, сера, дым.

Залп. Первая шеренга. Тридцать мушкетов. Грохот. Дым — белый, густой, тяжёлый, повис — над плацем. Запах — порох, резкий, едкий, как — укус. Вторая шеренга — поверх первой. Ещё залп. Грохот. Дым. Третья — ещё. Залп — за залпом, волна за волной. Слышно — за версту. В крепости — проснулись, забеспокоились, кто — не знал об ученье.

Григорий — смотрел. Залп — был — слаженный. Не — идеальный, но — слаженный. Тридцать мушкетов — били почти одновременно, с разницей в — полсекунды. Это — хорошо. Это — значит: учили. Не — сегодня. Раньше. Дальстон — учил. Двенадцать дней — не учил — на плацу, но — учил — в лагере, по — ротам, без — парада. Хитрый. Дальстон — не — ленился. Дальстон — показывал: я — не — твой, но — полк — мой. И — полк — боевой.

После залпов — штык. «Пикен, zur Stelle!» — «Пики — к бою!» Пикинёры — опустили пики. Две — обломленные, но — опустили, как — есть. Строй — ошетинился. Длинные — по три сажени, короткие — по две. Не — ровно, но — ошетинился. Как — ёж. Неказисто, но — больно.

Потом — маневр. Разворот. Три шеренги — развернулись, налево, за — полминуты. Не — быстро. Но — не — медленно. Дальстон — командовал, хрипел, рычал, материл — сержантов, те — материли — солдат. Строй — дрогнул, выровнялся. Повторили. Ещё — разворот. Быстрее. Ещё — быстрее. Четвёртый — за — двадцать секунд. Это — хорошо. Для — пехоты, в три шеренги, с — пиками — двадцать секунд — это — хорошо.

Григорий — кивнул. Ещё. Поднял руку — «достаточно». Дальстон — остановил. Полк — замер. Солнце — высоко, жарко, пыль — висит. Люди — дышат, тяжело, потно. Но — стоят. Не — бегут. Не — падают. Стоят. Это — Дальстонов полк. Это — его — работа. Двадцать лет — работы.

Григорий — спустился с холма. Подъехал — к строю. Медленно, шагом, вдоль — первой шеренги. Смотрел — в лица. Солдаты — смотрели — прямо, перед собой, по уставу. Но — краем глаз — на воеводу. Кто — с любопытством, кто — со страхом, кто — с уважением. Разные. Молодые — двадцать, двадцать пять. Старые — сорок, сорок пять. Русские — большинство. Немцы — десятка два, в первой роте, со — своим — ротным. Немцы — стояли — ровнее, прямо, как — по линейке. Русские — чуть — не так. Не — хуже. По-другому. Свободнее, что ли. Но — стояли.

Григорий — остановился. У одного — мушкет — ржавый, на стволе — пятно, рыжее, мокрое. Не — сегодня. Не — вчера. Давно. Неделя, две — ржавчина. Григорий — вытянул мушкет из рук солдата. Солдат — вздрогнул, побледнел. Григорий — посмотрел на ствол. Провёл — пальцем. Палец — рыжий, от — ржавчины. Пахло — железом, старым, сырым.

Григорий — вернул мушкет. Не — солдату. Дальстону. Протянул — рукоятку вперёд. Дальстон — взял. Посмотрел. Молчал. Лицо — окаменело. Он — знал. Знал — про ржавчину. Знал — давно. Не — чинил. Потому что — не — хотел. Потому что — показывал: не — ты мне — приказываешь. Но — сейчас — воевода — в — поле, на — коне, с — ржавым мушкетом — в — руке, и — Дальстон — стоит с — протянутой рукой, и — это — не — про — ржавчину. Это — про — — субординацию.

— Ржавчина, — сказал Григорий. Тихо. Не — полку. Дальстону. Одному. — На — десятом — мушкете. Может — на — двадцатом. Может — на — пятидесятом. Не — проверял. Но — вижу — один. Один — это — не — один. Один — это — — система. Если — один — ржавый, значит — не — проверяют. Если — не — проверяют — значит — не — учат. Если — не — учат — значит — не — воюют. А — если — не — воюют — зачем — полк?

Дальстон — молчал. Долго. Сжимал — мушкет. Костяшки — белые. Потом — сказал. Хрипло, тихо, не — полку. Одному:

— К — вечеру — будут — чистые. Все.

— Все?

— Все. Пятьсот. Не — десять. Не — двадцать. Все.

Григорий — кивнул. Посмотрел — на полк. На солдат. На солнце. На пыль. Сказал — громко, чтобы — слышал строй:

— Хорошо. Полк — стоит. Строй — ровный. Залп — слаженный. Маневр — быстрый. Это — ваша — заслуга. Полковника. Офицеров. Ваша. Но — ржавчина — это — не — заслуга. Это — позор. Для — солдата. Для — офицера. Для — полка. Мушкет — это — ваша — жизнь. Ржавый мушкет — не — выстрелит. Не — выстрелит — значит — татарин — рубит. Татарин рубит — значит — вы — мертвы. А — зачем — тогда — стоять? Чтобы — умереть — с — ржавым мушкетом? Это — не — смерть. Это — — позорная смерть. Чистите. Каждый день. Каждый — мушкет. Каждый — ствол. Не — для — меня. Для — себя. Для — того, кто — рядом. Для — того, кто — стоит — справа и — слева. Он — — считает — на — тебя. Твой — мушкет — это — его — жизнь. Не — твоя. Его.

Тишина. Полк — замер. Дальстон — стоял, с — мушкетом, и — лицо — было — не — красное. Бледное. Это — было — новое. Дальстон — бледнел — редко. Но — сейчас — бледнел. Не — от — страха. От — — ярости. На — себя. На — свою — лень. На — двенадцать — дней. На — ржавчину, которую — он — допустил, чтобы — доказать — точку. Точка — доказана. Не — та.

Григорий — развернул коня. Поехал. Не — оглядываясь. Олфер — рядом. Тихо. Без — слова. Стрельцы — за — ними.

У — реки, на — полпути, Олфер — сказал:

— К — вечеру — будут — чистые. Он — сделает. Не — потому что — приказал. Потому что — — стыдно.

Григорий — кивнул. Стыд — сильнее приказа. Приказ — заставляет. Стыд — меняет. Приказ — сегодня. Стыд — навсегда. Олфер — прав. Всегда — прав.

Сцена 3. «Засеки»

Через два дня Григорий послал грамоту — по всем городам Белгородского разряда. Короткую, сухую, точную, как — всё, что он писал:

«От воеводы Белгородского князя Ромодановского — всем городовым воеводам, приказным людям, стрелецким головам, казачьим атаманам.

Сего лета — июня в ... день — быть всем посадским людям и крестьянам уездным на засечной черте, на починке: засеки рубить, надолбы ставить, волчьи ямы копать. С — топорами, с — лопатами, с — брёвнами. Кто — не явится — штраф: рубль с двора. Кто — явится, а не работает — то же. Срок — две недели. Место — укажет местный воевода.

А — кто — думает, что — не надо — тот — пусть — вспомнит — 1633-й год. Тогда — татары — прошли. Тогда — полон — три тысячи. Тогда — деревни — горели. Тогда — было — поздно. Теперь — не — поздно. Пока — не — поздно. Явиться. Работать. Стоять».

Грамота — разошлась. Гонцы — полетели. Полунин — сидел до ночи, переписывал, запечатывал, отправлял. Тридцать восемь городов — тридцать восемь грамот. Плюс — черкасским полковникам, с — вежливой, но — твёрдой просьбой: прислать людей на засечную черту. Не — приказ — просьба. Казаки — не подчинялись воеводе напрямую. Но — Ромодановский — знал: казаки — понимают. Засака — это — их — дом тоже. Татары — не — разбирают, где — русский, где — казак. Татарин — берёт — всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.